

КНИГА, ЗАПЕЧАТАННАЯ СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ (Откр 5. 1): ТРИ ЯРКИХ СВЯТООТЕЧЕСКИХ ТОЛКОВАНИЯ

В. А. АНДРОСОВА

Статья посвящена рассмотрению толкований образа книги, «написанной внутри и от-вне, запечатанной семью печатями» (Откр 5. 1), которая является центральным образом 5-й главы Откровения Иоанна Богослова. Образ книги до сих пор живо интересует исследователей «Откровения», которые предлагают все новые и новые символические толкования этого фрагмента. В статье все существующие направления этих толкований книги Откр 5. 1 объединены автором в три наиболее значимых и последовательно проанализированы. Автор в своем выборе ориентировался на те, которые восходят к святоотеческой традиции. Первое толкование состоит в том, что запечатанная книга символизирует Священное Писание Ветхого Завета, раскрываемое Христом и тем самым становящееся понятным. Второе предполагает, что книга обозначает записанные у Бога судьбы мира, передаваемые Христу как Исполнителю замысла Божия и истинному Владыке. Третье — книга символизирует завещание Божие, которое наследует Христос, принявший смерть за людей. Автор показывает некоторую цепочку заимствования этих толкований и выявляет как богословское своеобразие, так и смысловые связи всех означенных толкований книги Откр 5. 1. В результате проделанной работы автор приходит к заключению, что, несмотря явные различия всех трех указанных направлений толкования, они имеют много точек пересечения. Эта особенность указывает на их происхождение из единой традиции толкования всей книги Откровения.

1. Введение: характеристика образа запечатанной книги

Вне всякого сомнения, книгу с семью печатями можно назвать одним из наиболее ярких и запоминающихся образов Откровения Иоанна Богослова (Апокалипсиса). Образ таинственной книги в 5-й главе Апокалипсиса сразу же привлекает к себе внимание читателей. Вполне понятно, что семь печатей на книге символизируют сокровенность и тайну, поэтому представляется, что о содержании книги можно судить лишь «гадательно». Такое впечатление складывается не только на основании образности семи печатей, но и после прочтения повествования о книге в целом. С одной стороны, в тексте Откровения Иоанна Богослова дана достаточно подробная внешняя характеристика книги, раскрыта ее важная роль в событийном ряду 5-й главы. С другой стороны, в описании книги наличествует ряд пробелов, что открывает возможность ее неоднозначной интерпретации. Обратимся к тексту Апокалипсиса и рассмотрим данный образ подробнее.

Запечатанная книга появляется в ключевом разделе Апокалипсиса — описанное в 4-й и 5-й главах видение открывает собой весь цикл последующих небесных видений Апокалипсиса (Откр 4–22). В 4-й главе Тайнозритель в первый раз восхищается на небо и видит первое небесное видение, описание которого продолжается и в 5-й главе — это видение престола Божия и небесных сил, поклоняющихся «Сидящему на престоле», как Творцу и Вседержителю. В Откр 5. 1 говорится, что в деснице «Сидящего на престоле» находится книга, «написанная внутри и отвне, запечатанная семью печатями». На возгласение сильного ангела «кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати ее» не может откликнуться никто «ни на небе, ни на земле, ни под землею», поскольку во всей вселенной не оказывается никого достойного. Это вызывает плач Тайнозрителя. В своей скорби о том, что никто в мире не может раскрыть книгу, Тайнозритель получает утешение от одного из 24-х старцев, окружающих престол Божий, говорящего: «Не плачь; вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил, и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее» (5. 5). Здесь перед нами комбинация из двух традиционных мессианских титулов, взятых из Быт 49. 9 и Ис 11. 10, указывающих на происхождение Мессии из царственного рода Давидова. Ап. Иоанн слышит о Льве, но при этом видит «Агнца, как бы закланного» (5. 6). Эта ярчайшая трансформация образов показывает, что приведенные ветхозаветные мессианские пророчества получают принципиально новое толкование: Иисус Христос действительно победитель зла, но Он достигает этой победы именно через Свою жертвенную смерть¹.

Агнец подходит к престолу и берет книгу из десницы Сидящего, и Ему воссылаются три гимна. Четыре животных и двадцать четыре старца поклоняются Агнцу и поют Ему «новую песнь»: «Достоин Ты взять книгу и снять с нее печати, ибо Ты был заклан и кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа, и племени и соделал нас царями и священниками Богу нашему, и мы будем царствовать на земле» (5. 9–10). Второй гимн поет неисчислимое множество ангельских существ: «Достоин Агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость и крепость, и честь и славу и благословение». Можно привести аргументированное мнение многочисленных исследователей о том, что центральной темой Откр 5 является принятие Агнцем универсального владычества². Третий гимн обращен к Богу и Агнцу вместе, и теперь охватывает все творение: «И всякое создание, находящееся на небе и на земле, и под землею, и на море... говорило: Сидящему на престоле и Агнцу благословение и честь, и слава и держава во веки веков» (5. 13). Затем, в 6-й главе, изображено снятие Агнцем печатей с книги, что открывает цикл видений семи печатей.

Итак, пребывающая в деснице Божией запечатанная книга передается прославленному Христу, Победителю зла (5. 5). Как можно увидеть, книга является центральным образом 5-й главы Апокалипсиса, и все повествование концентрируется вокруг нее. Несомненно, запечатанная книга имеет огромную важность

¹ См.: Caird G. B. A Commentary on the Revelation of St. John the Divine. L., 1984. P. 74–75; Bauckham R. The Theology of the Book of Revelation. Cambridge, 1993. P. 74.

² Например, см.: Aune D. E. Revelation 1–5. Word Biblical Commentary. Dallas, 1997. P. 332–346.

(ср.: плач Тайнозрителя о невозможности открыть книгу (5. 4)). Толкование образа книги непосредственно влияет на понимание *всей* сцены Откр 5, которая находится в самом начале цикла видений Апокалипсиса и тем самым задает важнейшие богословские акценты для всего повествования. В связи с этим вполне понятно, что запечатанная книга привлекала к себе особое внимание многочисленных экзегетов и богословов разных эпох.

Однако при попытке интерпретации образа запечатанной книги толкователи оказываются перед лицом ряда экзегетических проблем. В первую очередь, это связано со спецификой описания книги. В то время как внешние характеристики запечатанной книги обозначены очень подробно (книга написана «внутри и отвне», и запечатана «семью печатями»), какие-либо указания на ее содержание в тексте Апокалипсиса отсутствуют.

Соединение детальной разработанности внешней формы книги и неясности ее содержания дает повод к построению многочисленных гипотез. Беря за основу внешние характеристики книги, комментаторы предлагали самые различные варианты ее интерпретации — от книги судеб Божиих до разводного письма. Можно констатировать, что немногие образы Апокалипсиса получали столь разнообразные и подчас противоречивые толкования, как книга с семью печатями. Толкователи вновь и вновь обращались к этому образу и стремились раскрыть его смысл, применяя различные подходы.

В настоящей статье мы сосредоточимся на анализе трех толкований запечатанной книги, восходящих к древней святоотеческой традиции: (1) запечатанная книга как Писание Ветхого Завета, (2) как записанные у Бога судьбы мира и (3) как завещание Божие. Из всех существующих интерпретаций книги Откр 5. 1 именно данные толкования представляют наибольший богословский интерес. При этом три означенных толкования, в большей или меньшей степени, оказали несомненное влияние на последующую экзегетическую традицию. Многие современные библеисты являются сторонниками одного (или нескольких) из них, и богословски развивают эти толкования в своих трудах.

2. Первое толкование: запечатанная книга как Писание Ветхого Завета

Святоотеческие свидетельства о понимании запечатанной книги как Писания Ветхого Завета, открываемого Христом

В святоотеческой традиции широко распространено толкование запечатанной книги как Писания Ветхого Завета. Первым это мнение высказал сщмч. Ипполит Римский в «Толковании на книгу пророка Даниила» (датируется началом III-го в.). Св. Ипполит, комментируя Дан 9. 24 («...запечатаны были видение и пророк»), относит упомянутое там «запечатывание» не только к этому видению Даниила, но и ко всему Ветхому Завету. Он говорит о том, что все изреченное законом и пророками было запечатано для понимания людей. По мнению св. Ипполита, для неверующих фарисеев все изреченное пророками остается запечатанным (несмотря на их знание буквы Закона), а уверовавшим во Христа открывается все по благодати Господа, Который Сам есть «совершенная печать»

и «ключ Давидов» (аллюзия на Откр 3. 7). Далее следует цитата Откр 5. 1–10, и дается следующий комментарий: «Он взял и открыл книгу для того, чтобы прикровенно сказанное о нем было открыто проповедано «на кровлях»»³. Открытие книги (как и «ключ Давида») понимается как символ открытия истинного смысла ветхозаветных Писаний, которые получают свое исполнение в Самом Христе.

Ориген (185–254) достаточно часто и в разных произведениях обращается к образу запечатанной книги. В Гомилии на пророка Иезекииля (14. 2) Ориген использует Откр 5 для толкования «затворенных врат» в Иез 44. 1. Как и сщмч. Ипполит, он также связывает воедино Ис 29. 11, Откр 3. 7 и Откр 5. Ориген утверждает, что смысл Писаний (*sensus scripturarum*) был сокрыт до пришествия Христова (*quamdiu non venit Dominus meus, «clausa» erat lex, «clausa» sermo propheticus*), и «дольше, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце» иудеев (цитируется 2 Кор 3. 12–16)⁴. В Гомилии на Исход (12. 4) Ориген добавляет, что не только Ветхий Завет, но и все божественные Писания полны загадочного и таинственного, и если не прилагать старания, то и сочинения апостолов и Евангелистов также будут скрыты «покрывалом». Поэтому необходимо молиться Господу, чтобы пришел Агнец «от колена Иудина» — Тот, Который воспламенил сердца учеников, изъясняя Писания (аллюзия на Лк 24. 32 — «не горело ли в нас сердце наше») — и, взяв книгу, открыл ее⁵.

Св. Викторин Петавийский (ум. 304) в «Комментарии на Апокалипсис» также говорит, что запечатанная книга есть «книга Ветхого Завета» (*liber hic Vetus Testamentum significat...*)⁶. Однако далее, обращая внимание на само слово «завет», св. Викторин развивает свое толкование: он поясняет, что книга Откр 5. 1 есть «завещание» Христа («*testamentum*»; подробнее см. ниже).

Св. Иларий Пиктавийский (315–367) в начале Комментария на Псалмы также использует образ запечатанной книги для выражения своей мысли невозможности постижения смысла Псалмов вне Христа. Для св. Илария Христос является «ключом Давидовым» (Откр 3. 7) в смысле «ключа к пониманию Псалмов Давида», и он подтверждает это ссылкой на Откр 5. 1–10; «этот свиток, написанный внутри и отвне, содержит в одном и прошлое и будущее...»⁷. По его мнению, плач Иоанна обозначает невозможность понимания слов свитка. Но именно Христос открывает свиток — «поскольку только Он таинством Своего воплощения раскрыл те семь печатей».

Св. Иларий цитирует Откр 5. 1–5 в одном ряду с Ис 29. 11, Лк 11. 52 и Откр 3. 7, чтобы обосновать христологическое толкование Псалмов. Подобное понимание есть и у свт. Амвросия Медиоланского (334/40–397). Он сопоставляет Пс 118. 13 («уста мои возвещал я все суды уст Твоих») с изречением Пс 35. 7 («судьбы

³ *Сщмч. Ипполит Римский*. Толкование на книгу пророка Даниила. М., 1998. С. 141 (Дан 4. 33. 5–34.1).

⁴ *Origèn*. Homélie sur Ezéchiél / M. Borret, introd., trad., notes. P., 1989. P. 440.

⁵ *Idem*. Homélie sur l'Exod / M. Borret, introd., trad., notes. P., 1985. P. 364–365.

⁶ *Victorin de Poetovio*. Sur l'Apocalypse / M. Dulaey, introd., texte crit., trad., comm. P., 1997. P. 74.

⁷ *Hilarius Pictaviensis Episcopus*. Tractatus super Psalmos / J. Doignon, ed. Turnhout, 1997. P. 6–7.

В. А. Андросова. Книга, запечатанная семью печатями (Откр 5. 1): три ярких святоотеческих толкования

Твои — бездна великая»). Свт. Амвросий снимает противоречие между высказываниями псалмов, приводя Откр 5. 1–10 и делая вывод, что бездна судеб Божиих становится понятной во Христе и через Него может быть возвещена⁸.

Мнение о книге как ветхозаветном Писании можно встретить и у св. Андрея Кесарийского: «...Под книгой понимаются и *пророчества*, о которых сам Христос сказал, что частью они исполнились в Евангелии (Лк 24. 44), но что остальные исполнятся в последние дни...»⁹.

*Святоотеческое толкование
как выражение герменевтического принципа*

В приведенных ранних святоотеческих свидетельствах мы видим, что св. отцы постоянно употребляют образ открываемой Христом запечатанной книги в тесной связи с другими библейскими текстами, говорящими о сокровенности Ветхого Завета при попытке понять его вне Христа (например, 2 Кор 3. 12–16: «...покрывало доныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом»; Лк 24. 32 и др.). Утверждение, что Христос является «ключом» к истинному пониманию Писания, для святых отцов является программным. В этом выражается их общий герменевтический принцип, который они сами всегда применяют в своих толкованиях. В образе раскрытия Христом запечатанной книги (Откр 5. 1–10) св. отцы видят яркое библейское обоснование этого принципа. Поэтому их обращение к образу запечатанной книги можно в какой-то мере назвать «служебным» — при помощи него истолковываются другие тексты Св. Писания. Неслучайно обращение к Откр 5 в основном встречается в их экзегетических трудах.

*Аргументация современных сторонников толкования: образ книги Откр 5. 1
как аналог читаемого за богослужением Писания Ветхого Завета*

В библейской науке представлено понимание повествования Откр 4–5 как отражения раннехристианской литургии. Современные сторонники толкования запечатанной книги как Писания Ветхого Завета указывают на то, что оно полностью сочетается с таким пониманием. Действительно, присутствие литургических мотивов в разделе Откр 4–5 неоспоримо (поклонение Богу и Агнцу, хвалебные гимны и пр.). Более того, некоторые исследователи считают, что в этих главах содержится уникальный богослужебный памятник, позволяющий проследить переход от строя синагогального богослужения к собственно христианскому¹⁰. П. Прижан видит в Откр 4–5 отражение синагогального богослужения, включавшего прославление Бога, Его закона, благодарение за избавление из Египта, и чтение Св. Писания¹¹. Соответственно, запечатанная книга является аналогом Св. Писанию, как неотъемлемому элементу богослужения. Таким

⁸ *Ambrosius Mediolanus*. Expositio in Psalmum 118. 8. 59. 3 // PL 15. Col. 1389.

⁹ *Свт. Андрей Кесарийский*. Толкование на Апокалипсис св. Иоанна Богослова. Минск, 2005. С. 44.

¹⁰ *Mowry L.* Revelation 4–5 and Early Christian Liturgical Usage // *Journal of Biblical Literature*. 1952. Vol. 71. P. 97. См. также: *Aune*. Op. cit. P. 345.

¹¹ См.: *Prigent P.* Apocalypse et liturgie. Neuchatel, 1964. P. 46–79.

образом, преимущество рассматриваемого толкования состоит в том, что оно соотносит образ запечатанной книги с предполагаемым контекстом его возникновения.

*Критика толкования книги Откр 5. 1
как Писания Ветхого Завета*

Однако толкование книги Откр 5. 1 как Писания Ветхого Завета зачастую подвергается критике со стороны библеистов. Нужно признать, что рассматриваемое толкование не слишком хорошо соотносится с главной темой 5-й главы — получением Христом универсального владычества от Отца. Формальным аргументом является то, что Ветхий Завет не мыслился как одна книга, но скорее как собрание книг; также известно, что в свитках его текст писался только на одной стороне, и не мог быть записан «внутри и отвне»¹². Содержание ветхозаветных Писаний было хорошо известным, поэтому образность «семи печатей» вряд ли уместна; по словам Бигуцци, «плач Иоанна невозможно понять как скорбь о неверном истолковании Ветхого Завета, — скорее, этим обозначается нечто более глубокое»¹³.

*Развитие толкования: понимание книги Откр 5. 1
как предвозвещенного в Ветхом Завете божественного замысла*

Относительно приведенных критических возражений следует отметить, что, как и у святых отцов, так и у современных сторонников этой точки зрения, книга не просто обозначает Писание Ветхого Завета, до пришествия Христа бывшее для людей непонятным. В приведенных свидетельствах часто звучит мысль о том, что все предсказанное в Ветхом Завете получает исполнение во Христе, все пророчества «актуализируются» в Нем — и становятся понятными именно благодаря этому. Например, у свт. Андрея Кесарийского это выражено следующим образом: «Ни Ангелы, ни люди... не достигли полного ведения Божественных судеб, кроме Агнца Божия, *разрешившего* Своим пришествием сказания ранее о Нем пророчествовавших». И если понимать плач Тайнозрителя не как скорбь о неверном толковании Ветхого Завета, а как скорбь о неисполнении его пророчеств (которые могут свершиться только через Христа, «закланного Агнца»), то в этом случае толкование книги Откр 5. 1 как Писаний Ветхого Завета будет полностью сочетаться с композицией всей сцены Откр 5. Можно уточнить, что как древние, так и современные сторонники толкования часто понимают под запечатанной книгой не книги Ветхого Завета как таковые, но, по выражению Прижана, «божественный замысел, провозглашенный в Ветхом Завете»¹⁴: «Истинное содержание Ветхого Завета становится доступным людям лишь тогда, когда Мессия, исполнив все пророчества, делает возможным их истинное

¹² Bergmeier R. Die Buchrolle und das Lamm (Apk 5 und 10) // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. 1985. Bd. 76. S. 225–242; Reichelt G. Das Buch mit den sieben Siegeln in der Apokalypse des Johannes. Göttingen, 1975. S. 182.

¹³ Biguzzi G. I settenari nella struttura dell'apocalisse: analisi, storia della ricerca, interpretazione. Bologna, 1996. P. 195.

¹⁴ Prigent P. Commentary on the Apocalypse of St. John. Tübingen, 2001. P. 248.

прочтение...»¹⁵. Итак, Христос исполняет замысел Божий, который в какой-то степени был уже открыт в Ветхом Завете (ср.: «Господь Бог ничего не делает, не открыв тайны рабам Своим, пророкам» (Ам 3. 7)). В таком варианте рассматриваемое толкование тесно соприкасается с весьма распространенным среди комментаторов пониманием книги Откр 5. 1 как судеб и определений Божиих, как замысла Божия о спасении мира.

3. Второе толкование: запечатанная книга как записанные у Бога судьбы мира (спасительный замысел Божий о мировой истории)

Ранние толкователи о запечатанной книге как записанных у Бога судьбах мира

У целого ряда древних толкователей можно встретить понимание книги Откр 5. 1 как совокупности ведения обо всем творении, о прошлом и будущем мироздания — то есть, как судеб всего мира, пребывающих «записанными» у Бога. Можно привести ранее процитированное мнение св. Илария Пиктавийского о том, что в книге содержится «прошлое и будущее». Латинский поэт Пруденций (348—405) считает, что запечатанная книга — это книга знания будущего («...qui consciunt futuri librum resignat unus») ¹⁶. Аpringий (VI в.) говорит, что в книге содержится весь существующий сотворенный мир, открытый Богу: «Бог постигает внутреннее и знает внешнее» (praesentis mundi totius creatura, cuius interiora perspicit Deus et exteriora cognoscit) ¹⁷. Схожие выражения употребляет и св. Андрей Кесарийский: «...разумеет также и глубину Божественных судеб» ¹⁸.

Аргументация современных сторонников толкования: связь с основной идеей раздела Откр 4—5 — владычеством над миром

Толкования книги как записанных у Бога судеб мира придерживается достаточно большое число библеистов. В этом смысле характерно высказывание прот. Сергия Булгакова: «...Этот образ книги, обычный в Библии и Апокалипсисе, не нуждается в особом истолковании. Он, очевидно, означает тайну судеб человеческих, которая ведома одному Богу, Творцу и Промыслителю» ¹⁹. Сторонниками этого взгляда являются такие известные исследователи, как В. Буссет, Э. Лозе, Р. Чарльз, и др. ²⁰. Б. Мецгер так резюмирует содержание раздела Откр 4—5. «Иоанн удостоивается видения Бога на небесном престоле, Который владычествует над судьбами мироздания, и Иисуса Христа, Который, как Агнец Божий, открывает запечатанный свиток с божественными велениями о грядущем» ²¹.

¹⁵ Ibid. P. 244—245.

¹⁶ Aurelius Prudentis. Carmina 6. 83 / Mauricius Cuninghame, ed. Brepols, 1966. P. 32.

¹⁷ Apringius von Beja. In Apocalypsin 32 // PL 4. Col. 1246—1247.

¹⁸ Свт. Андрей Кесарийский. Цит. соч. С. 43.

¹⁹ Булгаков С., прот. Апокалипсис Иоанна (Опыт догматического истолкования). М., 1991. С. 48.

²⁰ См.: Коер Л. Das himmlische Buch in Antike und Christentum: Eine religionsgeschichtliche Untersuchung zur altchristlichen Bildersprache. Bonn, 1952. S. 25.

²¹ Мецгер Б. Новый завет: контекст, формирование, содержание. М., 2006. С. 292.

Данное толкование очень хорошо соотносится с определяемой исследователями основной идеей раздела Откр 4–5 — универсальным владычеством Бога и Христа. Владычество Божие символизируется тем, что в Его деснице находится книга с судьбами мироздания, — этот образ показывает, что Он полностью содержит мир в своей власти, является Вседержителем. И эту полноту власти над миром Бог передает Агнцу.

*Критика толкования книги Откр 5. 1
как заранее записанных судеб мира*

Некоторые вышеназванные исследователи отождествляют запечатанную книгу с образом т. н. «небесной книги судеб», появляющимся в древних ближневосточных²² и античных литературных памятниках. Данный образ связан с представлением об управляющей миром судьбе: в «книге судеб» заранее записаны все события, все predetermined судьбы мира.

Однако такой вариант понимания не согласуется с идейным содержанием Откровения Иоанна Богослова. В Апокалипсисе не присутствует идея о том, что все будущие события мировой истории зафиксированы и записаны заранее. По мнению многих комментаторов, в многоплановых образах Апокалипсиса не столько описываются фактические будущие события, сколько открывается их общий смысл, их цель, то, к чему они ведут, и то, что стоит за этими событиями. Можно привести ценное высказывание прот. Сергия Булгакова: Откровение Иоанна Богослова «есть книга о всей мировой истории в ее содержании и свершении. Оно есть история мира, изложенная в символах и образах, в самом существенном ее содержании. Оно отнюдь не есть история земных событий, как пишется она и изучается, там не описывается никаких внешних событий или фактов, которые могут быть в точности приурочены к пространству и времени. Оно есть символика этих событий, их внутренний конспект, онтология, или, в этом смысле, философия истории»²³.

Таким образом, если типичный образ «книги судеб» подразумевает, что в ней вплоть до мельчайших подробностей заранее записана вся человеческая история от создания мира до его конца, то для Апокалипсиса, как и для иных христианских произведений, эта идея не характерна. В повествовании Апокалипсиса акцентируется не predeterminedность всех будущих событий как таковая, но то, что историю человечества определяет воля Божия. Исходя из вышесказанного, запечатанную книгу невозможно отождествить с «книгой судеб» как с заранее зафиксированным ходом истории.

*Развитие толкования: запечатанная книга как символ замысла Божия
о человечестве и реализации этого замысла в мировой истории*

Однако в Апокалипсисе несомненно присутствует идея о том, что мировая история определяется божественным планом. Во всем повествовании Апокалипсиса ярко показывается, что человеческая история не есть совокупность

²² Ср., к примеру, образ «Таблиц судеб» в аккадском эпосе «Энума Элиш».

²³ Булгаков. Цит. соч. С. 15.

хаотических событий, но направляется Богом, и, несмотря на противодействие злых сил, завершится эсхатологическим спасением (ср. финальное видение Небесного Иерусалима в заключительных главах Откр 21–22). Можно предположить, что образ книги Откр 5. 1, находящейся в деснице Божией, символизирует тайну промысла Божия.

Таким образом, представляется более точным говорить о запечатанной книге не как о записанных судьбах мира в смысле «книги судеб», но о «божественном замысле», «божественных определениях», которые реализуются в истории. Этим подчеркивается, что книга содержит волю и решения Божии о мире, а не столько сам фактический ход событий. По всей вероятности, такова мысль свт. Андрея Кесарийского: «под книгой... разумею также и глубину Божественных *судеб* (греч. *κρίματα* — также “решения”, “определения”)²⁴. Исследователи, придерживающиеся такого варианта рассматриваемого толкования, используют разные формулировки для определения книги — «эсхатологический план Божий»²⁵, «Божий замысел о спасении и искуплении человечества»²⁶, «тайный Божий замысел о пришествии на землю Его Царствия»²⁷, «вечный замысел Божий о всей истории, направляемой Им к спасению»²⁸. Представляется, что приведенные выражения по своей сути синонимичны.

Агнец Христос как совершитель божественного замысла

Толкование запечатанной книги как замысла Божия позволяет выявить в Откр 5 глубокую богословскую мысль. Важно отметить, что Сам Бог не открывает книгу. В контексте рассматриваемого толкования это можно объяснить тем, что «судьба и предназначение человека, а с ним и всего сотворенного мира, должна быть исполнена именно человеком — Бог поставил предел Своему всемогуществу»²⁹. Божественный замысел о человечестве, «запечатанный семью печатями», ожидает человека, способного и достойного исполнить его, и желающего в полноте соединить свою волю с волей Божией. Когда никто не оказывается достойным, Тайнозритель начинает плакать. По словам Дж. Кэрда, «это — слезы пророка, ожидающего исполнения воли Божией; если не окажется достойного, то судьбы Божии окажутся непознанными и более того, не исполненными»³⁰. Иоанн плачет о том, что нет посредника, который может утвердить в мире Царствие Божие, и упразднить царящее на земле зло.

Только Христос, истинный Бог и истинный совершенный Человек, оказывается достойным открыть книгу, потому что «Его свидетельство, смерть и Воскресение сделали возможным пришествие Царствия Божия»³¹. «Единственно Он оказался достоин раскрыть книгу судеб Божиих, ибо Он, как принесший Себя

²⁴ Der Apokalypse-Kommentar des Andreas von Caesarea / J. Schmid, Hrsg. München, 1956. Bd. 2. S. 56; *Свт. Андрей Кесарийский*. Цит. соч. С. 43–44.

²⁵ Reichelt. Op. cit. S. 179.

²⁶ Caird. Op. cit. P. 72; Osborne G. R. Revelation. Grand Rapids, 2002. P. 249–250.

²⁷ Bauckham. Op. cit. P. 74.

²⁸ Biguzzi. Op. cit. P. 196.

²⁹ Caird. Op. cit. P. 73.

³⁰ Ibid. P. 72.

³¹ Bauckham. Op. cit. P. 80.

в жертву за грехи людей, Сам явился исполнителем определений Божиих о спасении человеческого рода»³², как замечает еп. Аверкий (Таушев). Прот. Сергей Булгаков, комментируя Откр 5. 8 («семь рогов и семь очей» Агнца), дополняет эту мысль: «Он, Богочеловек, чрез совершенное человечество Свое является средоточием всего тварного и человеческого бытия, лишь Ему ведома промыслительная тайна его судеб и спасения»³³.

*Понимание семи печатей и написания «внутри и отвне»
в рамках предложенного толкования*

Преимуществом данного толкования является также то, что оно позволяет дать внешней форме книги глубокую и всестороннюю символическую интерпретацию. В Иез 2. 10, Исх 32. 15 и Зах 5. 1–3 написание «внутри и снаружи» символизирует полноту содержания, его всеохватывающий характер — так и книга «содержит полноту божественных определений о мире»³⁴. Образ печати в античном мире мог выражать как неизменяемость и сохранность, так и сокровенность и тайну; печать также обозначает власть, авторитет налагающего ее, и снять печать может только уполномоченное лицо — все эти аспекты гармонично сочетаются в рамках рассматриваемого толкования.

Итак, можно подытожить, что определение книги как написанной «внутри и отвне» и «запечатанной печатями» понимается «как символические выразительные средства, обозначающие всеохватывающий характер эсхатологического замысла Божия, пребывающего в неизменной форме»³⁵. Несмотря на активность сил зла (ярко изображенную в 11–13, 17 главах Апокалипсиса), ничто не может помешать осуществлению эсхатологического замысла Божия о мире. Этот замысел в своей неохватности представляет собой непостижимую тайну для человеческого познания («семь» печатей как обозначение полноты тайны), и может быть раскрыт и осуществлен исключительно распятым и прославленным Христом (Откр 5. 1–10).

Содержание книги — сокровенный замысел Божий — является тайной, однако снятие печатей позволяет приоткрыть эту завесу. Непостижимости определений Божиих не противоречит то, что Бог в какой-то мере может открыть Свой замысел избранным Им людям. Самому Тайнозрителю тоже «открываются» (напомним, что в заглавии книги в Откр 1. 1 употреблено греческое слово ἀποκάλυψις — откровение — от глагола ἀποκαλύπτω) тайны Божии, судьбы ново-заветной Церкви в мире и эсхатологическое установление Царствия Божия (что собственно и составляет содержание дальнейших глав Апокалипсиса).

Можно сделать вывод, что в рассматриваемом толковании образ книги Откр 5. 1 раскрыт глубоко и многогранно, и хорошо вписан в общий образный ряд Апокалипсиса.

³² *Аверкий (Таушев), еп.* Четвероевангелие, Апостол. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. М., 2002. С. 730.

³³ *Булгаков.* Цит. соч. С. 51.

³⁴ *Giesen H.* Die Offenbarung des Johannes. Regensburg, 1997. S. 164.

³⁵ *Reichelt.* Op. cit. S. 99.

4. Третье толкование: запечатанная книга как символическое завещание (завет)

Наконец, рассмотрим толкование запечатанной книги как завещания, предложенное св. Викторинном Петавийским. Свое толкование св. Викторин начинает с утверждения, что книга Откр 5. 1 обозначает «Ветхий Завет (Vetus Testamentum), данный в руки Господа нашего, Который принял суд от Отца (Ин 5. 22)»³⁶. Далее он развивает свое толкование: он рассматривает «Ветхий Завет» не только в значении Писаний, но в значении «завещания» (здесь также: *testamentum*). Св. Викторин продолжает: «Заветом (*testamentum*) называется не что иное, как то, что составляют умирающие. И содержащееся внутри завещания сокрыто вплоть до дня смерти завещателя»³⁷. Это развивает мысль, выраженную в Послании к Евреям (Евр 9. 15–17). По мысли св. Викторина, внутри завещания — Ветхого Завета — было заключено обетование об освобождении человечества от власти смерти³⁸.

Согласно св. Викторину, завещателем является Христос, и Он Сам наложил печати на завещание (*ipse signaverat testamentum*). Наложив печати, Христос скрывает от понимания содержащиеся в Ветхом Завете пророчества. Поэтому именно смерть Христа явилась условием для снятия с книги Откр 5. 1 печатей; снятие печатей означает «раскрытие пророчеств Ветхого Завета и предвозвешение будущего»³⁹.

Пророчества Ветхого Завета являются также и *условиями* завещания — без их исполнения обетование об освобождении человечества не может осуществиться. Своей смертью и Воскресением Христос исполняет все заключенное в Ветхом Завете (*quae praenuntiata fuerant replevit*), все пророчества исполняются в Нем.

В то же время Воскресение Христа открывает для Него возможность *наследовать* обетования завета: «И поскольку Тот же самый был завещателем и победил смерть, было справедливо, что Он был признан Наследником Божиим»⁴⁰. Именно поэтому, утверждает св. Викторин, в тексте Откр 5 присутствуют не одно, а несколько именовании Христа — Лев и Агнец: этим выражаются различные аспекты отношения Христа к запечатанной книге (завещанию). «*Львом* называется ради Своей победы над смертью, а ради претерпения смерти за людей как *agneц* ведется на заклание»⁴¹.

Исполнив условия завещания, Христос вступает в права наследования. То, *что* именно наследует Христос, св. Викторин определяет как «достояние умирающего» (либо «существо умирающего» — *substantia morientis*), «то есть человеческие тела»⁴². Сам победив смерть, Христос освобождает смертных людей от

³⁶ *Victorin de Poetovio*. Op. cit. P. 74.

³⁷ *Ibid.* P. 76.

³⁸ *Ibid.* P. 74.

³⁹ «Resignatio sigillorum apertio est veteris testamenti praedicatorum et praenuntiatio in novissimo tempore futurorum» (*Ibid.* P. 78).

⁴⁰ *Ibid.* P. 74.

⁴¹ *Ibid.* P. 76.

⁴² *Ibid.* P. 74.

ее власти (ср. 1 Кор 6. 20: «вы куплены дорогою ценою») и становится единым Владыкой человечества. Тем самым обетование исполняется.

Итак, согласно св. Викторину, Христос Сам одновременно есть Завещатель, исполнитель условий завещания и его Наследник; все это объясняет Его уникальное отношение к книге Откр 5. 1. Вот почему, заключает св. Викторин, все произведение называется «Откровением» (лат.: *Revelatio*, греч.: Ἀποκάλυψις): «Ныне снимаются печати с книги, ныне постигаются жертвенные приношения, ныне ясными становятся... храм и свидетельства»⁴³.

Мы видим, что св. Викторин берет идею завещания и выстраивает на ней свое понимание книги Откр 5. 1 как Ветхого Завета. Толкование запечатанной книги как символического завещания — Ветхого Завета, предложенное им, ярко и многогранно объясняет уникальную роль Христа по отношению к запечатанной книге. Толкование св. Викторина поражает своей глубиной и цельностью.

*Аргументация современных сторонников толкования:
соответствие образа книги Откр 5. 1 форме римских завещаний*

Толкование образа книги Откр 5. 1 как завещания разделяет и ряд библеистов. К примеру, Т. Цан⁴⁴ и отечественные исследователи Н. Н. Глубоковский и В. В. Четыркин считают прямым прототипом запечатанной книги именно юридическое завещание. Во-первых, наличие печатей является характерной чертой правовых документов. Во-вторых, комментаторы отмечают, что запечатанная книга имеет особое сходство с римскими завещаниями, — из всех правовых документов именно завещания скреплялись как раз *семью* печатями. Согласно римскому праву, семь свидетелей ставили на завещании свои печати и подписи⁴⁵. После смерти завещателя в присутствии этих свидетелей с завещания снимались печати, и посредством доверенного лица воля завещателя вступала в действие. По убеждению некоторых исследователей, сходство между формой римских завещаний и книгой Откр 5. 1 «настолько бросается в глаза, что невозможно не предположить, что при написании 5-й главы образ римского завещания в какой-то мере не присутствовал в мыслях Иоанна»⁴⁶.

*Критика понимания запечатанной книги
как юридического завещания*

Тем не менее, множество современных исследователей подвергают мнению о книге Откр 5. 1 как юридическом завещании критике. Дальнейшее сравнение запечатанной книги с завещанием как правовым документом выявляет значительные расхождения между ними. Письменная форма римского завещания, позволяя объяснить наличие семи печатей, не предусматривает написания «внутри

⁴³ Ibid. P. 76.

⁴⁴ Zahn T. Introduction to the New Testament. Edinburgh, 1909. Vol. 3. S. 394.

⁴⁵ Aune. Op. cit. P. 342. Также см.: Римское частное право / И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский, ред. М., 2013. С. 257–258.

⁴⁶ Birt T. Die Buchrolle in der Kunst: archaeologisch-antiquarische Untersuchungen zum antiken Buchwesen. Leipzig, 1907. S. 243; Beale G. K. The Book of Revelation: a commentary on the Greek Text. Grand Rapids, 1999. P. 344.

В. А. Андросова. Книга, запечатанная семью печатями (Откр 5. 1): три ярких святоотеческих толкования

и отвне»; напротив, принципиально важным являлось создание таких условий, чтобы содержание завещания было сокрыто изначально и «могло остаться неизвестным даже свидетелям и участникам акта»⁴⁷. Также в сцене Откр 5 не предполагается семи свидетелей, в присутствии которых обычные завещания могли быть раскрыты.

*Развитие толкования: символическое завещание как завещание
о владении сотворенным миром и завет Божий, содержащий Его волю
о человечестве*

Однако обратим внимание на то, что для св. Викторина значимы не конкретные детали, а именно общие смысловые мотивы, связанные с завещанием. Толкователь не связывает себя поиском формальных соответствий римскому завещанию (в числе печатей, в необходимости семи свидетелей и пр.). Как подчеркивают и современные библеисты, если понимать завещание как общий символ, толкование книги Откр 5. 1 как завещания будет вполне соответствовать образности Апокалипсиса⁴⁸.

Как и св. Викторин, американский библеист Грегори Бил видит в книге Откр 5. 1 символическое завещание — обетование Божие человечеству. Но он по-другому понимает, в чем именно заключается это обетование.

Бог изрек Адаму, что он будет «владычествовать» над сотворенным Богом миром (ср.: Быт 1. 28). Адам оказался недостойным этого обетования, однако «именно человек должен открыть запечатанную книгу, поскольку обетование было дано человечеству»⁴⁹. Но никто из людей не был найден достойным открыть эту книгу (Откр 5. 3), поскольку все пребывают под грехом. Только Иисус Христос — «последний Адам» в терминологии 1-го Послания к Коринфянам — «не соделал греха» и явился невинной искупительной жертвой за Свой народ (Откр 5. 9). Поэтому только Христос достоин открыть книгу и наследовать содержащиеся в ней Божии обетования человечеству. Подобным образом и все, за кого Он ходатайствует, также участвуют в Его священстве и царстве (Откр 5. 10; ср.: Откр 1. 5–6)⁵⁰.

Г. Бил также выявляет еще один аспект толкования запечатанной книги как завещания. Анализируя внешнее описание книги Откр 5. 1, Бил отмечает, что «изнутри и снаружи» были также написаны Скрижали Завета (Исх 32. 15). Если предположить, что аналогия со Скрижалями неслучайна, то можно заключить, что книга с семью печатями «имеет отношение к *новому документу завета*»⁵¹.

Н. Глубоковский также сближает запечатанную книгу не просто с завещанием, но с «заветом» Божиим: «Это — своего рода книга *завета Божия*, изображаемая... подобно всем человеческим тестаментарным документам. Но здесь дело касается *всей мировой истории*...»⁵². Подобным образом и В. В. Четыркин

⁴⁷ Покровский И. А. История Римского Права. СПб., 1999. С. 498.

⁴⁸ Четыркин В. В. Апокалипсис св. Апостола Иоанна Богослова. СПб., 1916. С. 290.

⁴⁹ Beale. Op. cit. P. 341.

⁵⁰ Ibid. P. 340–341.

⁵¹ Ibid. P. 342.

⁵² Глубоковский Н. Н. Благовестие христианской славы в Апокалипсисе св. апостола Иоанна Богослова. СПб., 2002. С. 86.

связывает книгу Откр 5. 1 с осуществлением «завета» Божьего; он говорит о книге как о воле Бога о всей истории, в полноте осуществляемой Христом: «Христос, омывший нас от грехов наших кровию Своею и соделавший нас царями и священниками Богу и Отцу Своему (Откр 1. 5–6), является началом и концом мировой истории и только один Он в силу своего богочеловеческого дела имеет право открыть книгу, запечатанную семью печатями, — книгу мирового развития, цель которого осуществление завета Бога с человечеством»⁵³.

5. Выводы

Мы рассмотрели три толкования запечатанной книги, каждое из них имеет свое своеобразие, свои преимущества и ограничения. Как известно, экзегетический анализ не подразумевает нахождения единственного «верного» толкования, исключаящего все остальные. В особой мере это справедливо по отношению к образам и символам, изображаемым в Апокалипсисе. По самой своей природе символические образы видений Тайнозрителя, посредством которых ему передано «откровение Иисуса Христа» (Откр 1. 1), могут вмещать в себя несколько значений.

Как было продемонстрировано в настоящей статье, в «недосказанности» и неоднозначности описания запечатанной книги уже заложена возможность ее различных интерпретаций; с известной убежденностью можно предположить, что данный образ по замыслу самого автора является многогранным. Обозначенные внешние характеристики книги — запечатанность и написание «внутри и отвне» — предоставляют опорные ориентиры и задают направление экзегетического поиска. Представляется вполне возможным, что в намерение автора входило создать своего рода пространство для богословского «творчества». По крайней мере, именно таков святоотеческий подход, получающий развитие в работах современных библеистов. Критерием для оценки каждого предложенного толкования является его соответствие содержанию библейского новозаветного откровения, и конечно то, насколько гармонично оно вписывается в общий контекст повествования Апокалипсиса, его образный ряд и идейное содержание.

Было показано, что в трех толкованиях заданы различные акценты, и в соответствии с этим вся сцена Откр 5 выстраивается несколько иначе. Засвидетельствованное у многих отцов Церкви понимание запечатанной книги как Писаний Ветхого Завета, открываемых Христом, является убедительным; оно также наглядно выражает святоотеческий принцип толкования Писаний, не теряющий своей актуальности и в настоящее время. Толкование книги как записанных у Бога судеб мира (спасительного замысла Божия о мировой истории) развивает важнейшие богословские идеи — в частности, о Христе как исполнителе замысла Божия о человечестве, — дает глубокое осмысление характеристик книги, и замечательно сочетается с образностью 5-й главы.

Св. Викторин Петавийский предложил яркое толкование книги Откр 5. 1 как символического завещания. Толкование св. Викторина особенно поражает своей неординарностью и проявленным в нем «творческим» подходом. Важной

⁵³ *Четыркин*. Цит. соч. С. 138.

особенностью этого толкования является его синтезирующий характер: в нем соединяется воедино образность Писания и завещания, все это сплетается в неповторимый узор, образующий законченную целостную картину. Это толкование позволяет в новом свете увидеть вечные богословские истины, такие как значение смерти и Воскресения Христа.

Совмещение толкований мы наблюдаем как у святых отцов, так и у современных библеистов. Так, многие сторонники толкования книги как символического завещания (Н. Н. Глубоковский, В. В. Четыркин, Г. Бил) также видят в ней символ Божия завета с человечеством и «воли Божией» об истории — т. е., замысла Божия. В свою очередь, толкование книги как ветхозаветных пророчеств, исполненных Христом, опять же соединяется с пониманием книги как замысла Божия, который был открываем ветхозаветным пророкам. Словом, очевидно, что эти толкования не исключают друг друга, но скорее взаимно дополняют.

Можно сделать общий вывод, что три различных толкования образа книги пересекаются в очень многих точках. Прежде всего, в каждом из них подчеркивается уникальная роль Христа — что, собственно, уже заложено в самой сцене Откр 5. Но в каждом из толкований эта мысль раскрывается с разных сторон, показывается с различных углов зрения, что позволяет сформировать объемное видение. Таким образом выявляются различные грани многопланового повествования Откровения Иоанна Богослова.

Ключевые слова: Откровение Иоанна Богослова, Апокалипсис, запечатанная книга Откр 5. 1, семь печатей, Откр 4–5, владычество Христа, символическое толкование, святоотеческая экзегеза, св. Викторин Петавийский, символика завещания, библейская наука.

BOOK SEALED WITH SEVEN SEALS (REVELATION 5. 1): THREE IMPRESSIVE PATRISTIC INTERPRETATIONS

V. ANDROSOVA

Статья посвящена рассмотрению толкований образа книги, «написанной внутри и отвне, запечатанной семью печатями» (Откр 5. 1), которая является центральным образом 5-й главы Откровения Иоанна Богослова. Образ книги до сих пор живо интересует исследователей «Откровения», которые предлагают все новые и новые символические толкования этого фрагмента. В статье все существующие направления этих толкований книги Откр 5. 1 объединены автором в три наиболее значимых и последовательно проанализированы. Автор в своем выборе ориентировался на те, которые восходят к святоотеческой традиции. Первое толкование состоит в том, что запечатанная книга символизирует Священное Писание Ветхого Завета, раскрываемое Христом и тем самым ста-

новящееся понятным. Второе предполагает, что книга обозначает записанные у Бога судьбы мира, передаваемые Христу как Исполнителю замысла Божия и истинному Владыке. Третье — книга символизирует завещание Божие, которое наследует Христос, принявший смерть за людей. Автор показывает некоторую цепочку заимствования этих толкований и выявляет как богословское своеобразие, так и смысловые связи всех означенных толкований книги Откр 5. 1. В результате проделанной работы автор приходит к заключению, что, несмотря явные различия всех трех указанных направлений толкования, они имеют много точек пересечения. Эта особенность указывает на их происхождение из единой традиции толкования всей книги Откровения.

Keywords:

Использованная литература

1. Andrej Kesarijskij. *Tolkovanie na Apokalipsis sv. Ioanna Bogoslova* (Commentary on Revelation). Minsk, 2005.
2. Aune D. E. *Revelation 1-5. Word Biblical Commentary*. Dallas, 1997.
3. Averkij (Taushev). *Chetveroevangelie, Apostol. Rukovodstvo k izucheniju Svjashhennogo Pisanija Novogo Zaveta* (Books of New Testament: Gospels, Acts, Epistles. Handbook). Moscow, 2002.
4. Bauckham R. *The Theology of the Book of Revelation*. Cambridge, 1993.
5. Beale G. K. *The Book of Revelation: a commentary on the Greek Text*. Grand Rapids, 1999.
6. Bergmeier R. 1985. *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*, no. 76, pp. 225-242.
7. Biguzzi G. *I settenari nella struttura dell'apocalisse: analisi, storia della ricerca, interpretazione*. Bologna, 1996.
8. Birt T. *Die Buchrolle in der Kunst: archaeologisch-antiquarische Untersuchungen zum antiken Buchwesen*. Leipzig, 1907.
9. Borret M. (éd.) *Origèn. Homélie sur Ezéchiel*. Paris, 1989.
10. Borret M. (éd.) *Origèn. Homélie sur l'Exod*. Paris, 1985.
11. Bulgakov S. *Apokalipsis Ioanna. Opyt dogmaticseskogo istolkovanija*. (The book of Revelation. Experience of dogmatic commentary). Moscow, 1991.
12. Caird G. B. *A Commentary on the Revelation of St. John the Divine*. London, 1984.
13. Chetyrkin V. V. *Apokalipsis sv. Apostola Ioanna Bogoslova* (The Book of Revelation). Saint Petersburg, 1916.
14. Cuningham M. (ed.) *Aurelius Prudentis. Carmina*. Brepols, 1966.
15. Doignon J. (ed.) *Hilarius Pictaviensis Episcopus. Tractatus super Psalmos*. Turnhout, 1997.
16. Dulaey M. (ed.) *Victorin de Poetovio. Sur l'Apocalypse*. Paris, 1997.
17. Giesen H. *Die Offenbarung des Johannes*. Regensburg, 1997.
18. Glubokovskij N. N. *Blagovestie hristianskoj slavy v Apokalipsise sv. apostola Ioanna Bogoslova* (The Sermon of the Christian Glory in the Book of Revelation). Saint Petersburg, 2002.
19. Ippolit Rimskij. *Tolkovanie na knigu proroka Daniila* (Commentary on Daniel). Moscow, 1998.

20. Koep L. *Das himmlische Buch in Antike und Christentum: Eine religionsgeschichtliche Untersuchung zur altchristlichen Bildersprache*. Bonn, 1952.
21. Mecger B. *Novyj zavet: kontekst, formirovanie, sodержanie* (The Canon of the New Testament: Its Origin, Development, and Significance). Moscow, 2006.
22. Mowry L. 1952. *Journal of Biblical Literature*, no. 71, pp. 75-84.
23. Novickij I. B., Pereterskij I. S. (eds.) *Rimskoe chastnoe pravo* (Roman Private Law). Moscow, 2013.
24. Osborne G. R. *Revelation*. Grand Rapids, 2002.
25. Pokrovskij I. A. *Istorija Rimskogo Prava* (History of the Roman Law). Saint Petersburg, 1999.
26. Prigent P. *Apocalypse et liturgie*. Neuchatel, 1964.
27. Prigent P. *Commentary on the Apocalypse of St. John*. Tübingen, 2001.
28. Reichelt G. *Das Buch mit den sieben Siegeln in der Apokalypse des Johannes*. Göttingen, 1975.
29. Schmid J. (ed.) *Der Apokalypse-Kommentar des Andreas von Caesarea*. München, 1956.
30. Zahn T. *Introduction to the New Testament*. Edinburgh, 1909.